

УДК 343.101

*Т.З. Зинатуллин***ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

В статье раскрываются сущность, содержание и аксиологические составляющие института уголовно-процессуального принуждения. обстоятельно анализируются материально-правовые и процессуальные основания применения мер уголовно-процессуального принуждения, а также их нравственное содержание. Содержание процессуального основания для применения мер уголовно-процессуального принуждения включает в себя, во-первых, условия обращения к таким мерам и, во-вторых, оформление принятого решения в процессуальном акте. Вскрываются «парадоксы» уголовно-процессуального регулирования, связанные, в частности, с наделением лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуальным статусом свидетеля при судебном рассмотрении уголовного дела в отношении своих соучастников преступления, а также формулированием новых уголовно-процессуальных мер пресечения при наличии аналогичных, не отмененных законодателем процессуально-принудительных мер. Формулируются предложения по совершенствованию института мер уголовно-процессуального принуждения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, материально-правовые и процессуальные основания применения; совершенствование уголовно-процессуального регулирования мер уголовно-процессуального принуждения.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-3-439-444

Уголовно-процессуальное принуждение – социально-правовое явление, с которым связывается возможность применения уполномоченными государственными структурами к участникам уголовного судопроизводства установленные уголовно-процессуальным законодательством меры, ограничивающие их конституционные права и свободы. Широкий спектр таких мер закреплен в разд. IV УПК РФ с подразделением их на те, что предназначены обеспечить в период производства по уголовным делам правомерное поведение лиц, подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений (ст. 91–118 УПК РФ), и на те, что призваны гарантировать указанным в ч. 2 ст. 111 УПК РФ лицам полностью реализовать свои права и обязанности вне зависимости от наличия у них личного интереса в уголовном деле (потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики, их представители) или отсутствия такого интереса (свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые). Обратим внимание на то, что если основания и процессуальный порядок применения мер уголовно-процессуального принуждения к подозреваемым и обвиняемым достаточно обстоятельно урегулирован законом (ст. 91-110, 114-115.1. УПК РФ), то относительно экспертов, специалистов, переводчиков и понятых как участников уголовного судопроизводства законодатель ограничился лишь указанием на возможность при наличии к этому обстоятельств (ч. 5–6 ст. 57, ч. 4 ст. 58, ч. 5–6 ст. 59, ч. 4 ст. 60 УПК РФ) привлечения их к уголовной ответственности. Что касается свидетеля как участника уголовного судопроизводства, то он в случае уклонения от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд без уважительных причин может быть подвергнут приводу (ч. 7 ст. 56 УПК РФ), а при наличии указанных в чч. 8 и 9 ст. 56 УПК РФ обстоятельств может быть привлечен и к уголовной ответственности.

Федеральным законом № 376-ФЗ от 30.10.2018 г. УПК РФ дополнен ст. 56.1, регламентирующей процессуальный статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Как указывается в ч. 2 ст. 56.1 УПК РФ, такое лицо наделяется предусмотренными ч. 4 ст. 56 УПК РФ правами, то есть всеми правами такого участника, как свидетель, с возможным применением к нему в качестве меры пресечения привод (ч. 6 ст. 56.1 УПК РФ). Наделение лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, правами свидетеля, не согласуется с предъявляемыми к свидетелю как участнику уголовного судопроизводства требованиям, основным из которых является его объективность, что отмечается в одной из моих публикаций¹. О том, что и сам законодатель не уверен в наделении лица,

¹ См.: Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Очередные парадоксы уголовно-процессуального регулирования (в связи с ФЗ № 72-ФЗ от 18.04.2018 г. и № 376-ФЗ от 30.10.2018 г. // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 4.

заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуальными правами свидетеля, свидетельствует то, что, как указывается в ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ, «лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо за отказ от дачи показаний в соответствии со статьями 307 и 308 УК РФ». Законодатель, как видим, допускает необъективность в показаниях такого рода свидетелей. Проигнорирован исторически обоснованный постулат о том, что в качестве свидетеля может выступать только лицо, которое знает об обстоятельствах, подлежащих восстановлению по уголовному делу «отнюдь не в связи со своими уголовно наказуемыми действиями»².

Применение любой из мер уголовно-процессуального принуждения возможно лишь при наличии к этому материально-правовых и процессуальных оснований.

В качестве материально-правового основания всегда должна выступать совокупность доказательств о возможном ненадлежащем поведении подвергаемого той или иной мере процессуального принуждения участника уголовного судопроизводства. При этом сложившееся у принимающего решение о применении мер уголовно-процессуального принуждения уполномоченного на это лица внутреннее убеждение должно основываться на реально существующих (достоверных) сведениях, полученных из указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ источников и в установленной уголовно-процессуальной форме. Содержание таких сведений должно свидетельствовать о конкретных фактах и обстоятельствах, имеющих место, или о возможном ненадлежащем поведении адресата мер уголовно-процессуального принуждения (подозреваемый в совершении изнасилования перечисляет потерпевшей деньги; распродает имущество; приобретает путевку в санаторий; и т.д.).

Содержание процессуального основания для применения мер уголовно-процессуального принуждения включает в себя, во-первых, условия обращения к таким мерам и, во-вторых, оформление принятого решения в процессуальном акте.

Условия применения уголовно-процессуального принуждения представляют собой конгломерат органично связанных между собой следующих факторов (обстоятельств): во-первых, наличие производства по делу; во-вторых, процессуальный статус подвергаемого уголовно-процессуальному принуждению лица и в-третьих, видовое свойство (характер) меры уголовно-процессуального принуждения, применяемой к конкретному лицу как к участнику уголовного процесса. Производство по проверке наличия основания для возбуждения производства по уголовному делу связывается с поступлением в правоохранительный орган информации о преступлении и осуществлением им закрепленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ действий, некоторые из них по природе своей обладают свойством принуждения (изъятие документов и предметов; освидетельствование).

В связи с этим фактически в прошлое ушел запрет на совершение процессуальных действий, в том числе и тех, что обладают свойством принудительности до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела³.

Что касается нахождения лица в том процессуальном положении, которое допускает применение мер процессуального принуждения, то в настоящее время в качестве возможных их адресатов могут быть не только подозреваемые и обвиняемые как участники уголовного процесса со стороны защиты, но и так называемые иные участники уголовного судопроизводства. Последнее представляется парадоксальным явлением. Зачем подвергать не являющегося по вызовам к следователю свидетеля принудительному приводу в условиях возможности допроса такого лица по месту его нахождения?

Относительно необходимости при обращении к мерам уголовно-процессуального принуждения учета характерных для них свойств, то законодатель разрешает применение мер уголовно-процессуального пресечения (ст. 98 УПК РФ) только к лицам, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, причем такие меры пресечения, как запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу (ст. 105.1, 106, 107, 108 УПК РФ) избираются только по постановлению судьи. К подозреваемым и обвиняемым могут применяться и такие меры уголовно-процессуального принуждения, как временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ) и наложение ареста на имущество и ценные бумаги (ст. 115–116 УПК РФ).

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 568.

³ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина, И.Б. Михайловской. М., 2010. С. 328.

О применении (избрании) любой из мер уголовно-процессуального принуждения выносится постановление уполномоченного на это дознавателя, следователя, судьи. Допущенные из этого отступления применительно к такой мере уголовно-процессуального принуждения, как задержание подозреваемого в виде составления протокола задержания (ст. 92 УПК РФ) необоснованны по причине того, что любое уголовно-процессуальное решение должно основываться на определенной совокупности уголовно-процессуальных доказательств⁴, которые не формируются, как считают отдельные процессуалисты⁵, а существуют в виде реалий объективного мира (сведений, фактов), которые в результате познания их человеком посредством присущих ему чувственно-предметных рецепторов и оценки по внутреннему убеждению (психолого-интеллектуальная составляющая жизнедеятельности человека) с позиции соответствия предъявляемым требованиям (относимости, подлежащих доказыванию обстоятельств уголовного дела, допустимости и достоверности) приобретают статус уголовно-процессуальных доказательств по расследуемому или разрешаемому уголовному делу. Протокол задержания обвиняемого есть лишь следствие принятого решения о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления.

Необоснованным является и отнесение к числу мер уголовно-процессуального принуждения обязательств о явке (п. 1 ч. 1 ст. 111 УПК РФ), которые могут быть взяты не только у подозреваемого и обвиняемого, но и у потерпевшего и свидетеля. В обязательстве о явке свойство принудительности отсутствует, такое обязательство не ограничивает свободу личности, не посягает на субъективное право каждого обладать определенными социальными благами (в частности, на свободу передвижения по стране, выбора места жительства, учебы и т.д.)⁶.

Решение о применении той или иной меры процессуального принуждения есть не что иное, как реализация лицом, призванным качественно расследовать или разрешать по существу находящееся у него в производстве уголовное дело, своих процессуальных полномочий.

В связи с существенным расширением на основании ряда федеральных законов о внесении изменений и дополнений в ст. 29 УПК РФ полномочий судов на применение не только мер пресечения, но и иных мер уголовно-процессуального принуждения (временного отстранения подозреваемого, обвиняемого от должности; о наложении ареста на корреспонденцию в учреждениях связи; о наложении ареста на имущество и т.д.) все большую значимость приобретает вопрос не просто об усилении судебного контроля, повышении его роли в обеспечении прав и свобод человека и гражданина⁷, но и о необходимости возрождения института судебных следователей, учрежденного в России на основании Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. с наделением их, как представляется, не только «исключительными полномочиями на применение мер пресечения в ходе досудебного производства»⁸, но и иных мер уголовно-процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы человека. Естественно, это вызывает необходимость создания в системе судов специальных подразделений, укомплектованных высококвалифицированными судьями. Такие судьи должны иметь не только высшее юридическое образование, но и степень магистра права либо ученую степень, а также не менее 5 лет практического стажа работы в должности федерального судьи, и естественно, судебный следователь должен соответствовать своему высокому званию и нравственным отношениям.

Правовая и нравственная составляющая всего института уголовно процессуального принуждения одна – служить успешному выполнению закрепленного в ст. 6 УПК РФ предназначения, а именно, защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступления, и защищать личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод.

⁴ См.: Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika. M., 2006. S. 89.

⁵ См.: Rudich V.V. Mexanizm primeneniya mer presечения v Rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve: avtorеф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 16-17.

⁶ Обстоятельно об этом см.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 20-40.

⁷ Обстоятельно о судебном контроле см.: Azarov V.A., Tarichko I.Yu. Funktsii sudеbnogo kontrolya v istorii, teorii i praktiki ugolovnogogo protsessа Rossi. Omsk, 2004; Muratova N.G. Sistema sudеbnogo kontrolya v ugolovnom sudoproizvodstve. Kazan', 2004.

⁸ Rudich V.V. Ukaz. соч. С. 18.

Применение мер уголовно-процессуального принуждения требует «особой внимательности от следователя, прокурора и судьи, предъявляя им для разрешения в наивысшей степени сложных задач – существенно ограничивать права конкретного человека не зависимо от его статуса в уголовном процессе “с должной необходимостью и соразмерностью”»⁹.

Правовые и нравственные границы такой соразмерности органически связаны с признанием на конституционном уровне прав и свобод человека высшей ценностью и возложением на государство обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Детализация такой границы проявляется в следующем:

а) в запрете ущемлять достоинство личности, подвергать ее пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению;

б) в допустимости ареста, заключения под стражу и содержания под стражей только по судебному решению с ограничением срока содержания подозреваемого под стражей без судебного решения не более 48 часов;

в) в гарантировании каждому гражданину неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, защите своей чести и доброго имени;

г) в предоставлении каждому право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений с возможностью ограничения таких благ только на основании судебного решения;

д) в гарантированности каждому неприкосновенности его жилища, запрете проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц;

е) в предоставлении каждому права частной собственности, пользоваться и распоряжаться находящимся в собственности имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами;

ж) в предоставлении каждому права защищать все свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 20-25, 35, 45 Конституции РФ).

Указанные конституционные блага проецированы в УПК РФ, ими пронизаны все уголовно-процессуальные принципы, на которых основывается уголовно-процессуальная деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, включая все то, что связано с мерами уголовно-процессуального принуждения. Из числа последних выделим те, в которых особенно ярко выражено их нравственное содержание и человеколюбивая направленность. Так, содержание закреплённого в ст. 9 УПК РФ принципа, получившего наименование «уважение чести и достоинства личности», запрещающего осуществлять действия и принятие решений, унижающих честь и достоинство участников уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья, а также подвергать таких лиц насилию, пыткам или другому жестокому или унижающему достоинство обращению должно быть дополнено содержащимся в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ гуманным, глубоко нравственным указанием на то, что «никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Наличие такого указания не позволяло бы, в частности, производство такого содержащего в себе свойства принудительности следственного действия, как освидетельствование, сопровождаемого обнажением тела данного свидетеля без его согласия под предлогом необходимости, как допускает законодатель, «для оценки достоверности его показаний» (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

Глубоко нравственным содержанием насыщены такие процессуальные принципы, как неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ) и закреплённый в ст. 13 УПК РФ принцип, получивший наименование «тайна переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений».

В силу закреплённого в ст. 49 Конституции РФ и в ст. 14 УПК РФ принципа презумпции невиновности дознаватель, следователь, прокурор и судья, принимая решение об избрании к подозреваемому или обвиняемому той или иной меры уголовно-процессуального принуждения, должны всегда иметь в виду, что применяют такую меру к лицу, еще не признанному судом виновным в совершении преступлений. Это обстоятельство обуславливает соответствующее отношение к подозреваемому или к обвиняемому как к лицу чью виновность в совершении преступления еще предстоит доказать, имеющего к тому же, в соответствии со ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию. Обращение должностных лиц, расследующих или разрешающих уголовные дела с подозреваемыми или обвиняемыми, должно соответствовать обычному, комфортному общению между людьми, что предписывается, в

⁹ Рябинина Т.К. Нравственные начала уголовного процесса. Курск, 2007. С. 160.

частности, кодексами судебной этики, этики прокурорского работника, государственного служащего следственного комитета, сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

Обращение к мерам уголовно-процессуального принуждения, к применению составляющих такой институт конкретных мер вызывает необходимость в оперировании, наряду с названными уголовно-процессуальными принципами, и такими социально-нравственными категориями, как равенство всех перед законом и судом и справедливость, которые не имеют процессуального статуса уголовно-процессуальных принципов. Заметим, что если категория «равенств всех перед законом и судом» возведена в ранг конституционного положения (ст. 19 Конституции РФ), то о социальной категории «справедливость» законодатель вообще умалчивает. В силу этого и становится возможным конструирование в УПК РФ норм об особом порядке задержания и избрании мер пресечения в отношении отдельных категорий лиц (ст. 449 и 450 УПК РФ), что явно не согласуется со ст. 19 Конституции РФ, в соответствии с содержанием которой «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от ... должностного положения..., принадлежности к общественным объединениям, а также к другим обстоятельств».

Социальная категория «справедливость» не уместна в ст. 5 УПК РФ, посвященной разъяснению понятий, используемых в таком законодательном акте. Единственное упоминание об этой категории содержится в ст. 297 УПК РФ при указании на то, каким требованиям должен отвечать приговор, который должен быть «законным, обоснованным, справедливым» при условии, если он «постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона. Социальная категория «справедливость» здесь во многом согласуется с её трактовкой в русской словесности: то, что является «истинным, правдивым», «сделанном законно, по правде, по совести»¹⁰.

Несмотря на достаточно аргументированные предложения о необходимости конструирования в УПК РФ принципа справедливости уголовно-процессуальных решений¹¹ законодатель не только не включает его в систему уголовно-процессуальных принципов, но и не дополняет ч. 4 ст. 7 УПК РФ указанием на то, что уголовно-процессуальные решения должны быть не только «законными, обоснованными и мотивированными», но и справедливыми.

Законодатель принцип справедливости увязывает лишь с назначением наказания, применяемого к лицу, совершившему преступление, которое, как отмечается в ч. 1 ст. 6 УК РФ, «должно быть справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Проецируя содержание этой нормы на сферу уголовно-процессуального принуждения, процессуалисты формулируют принцип справедливости следующим образом: «Избираемые в отношении лица меры уголовно-процессуального принуждения должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого»¹². Предлагаемое определение согласуется со сформулированной К.В. Муравьевым установкой на то, что «органы, компетентные осуществлять выбор мер воздействия при производстве по делу, должны руководствоваться двумя группами обстоятельств: 1) объективных, связанных с характеристикой содеянного (характер, степень общественной опасности преступлений, обстоятельства его совершения и др.) и 2) субъективных, относящихся к личности привлекаемого к уголовной ответственности (возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и т.д.)»¹³.

Выразим надежду на то, что принцип справедливости уголовно-процессуальных решений займет свое законное место в системе принципов уголовно-процессуального судопроизводства.

Завершая рассмотрение вопроса о нравственных началах применения мер уголовно процессуального принуждения, обратим еще раз внимание на то, что применение таких мер осуществляется должностными лицами государства, расследующими или разрешающими уголовные дела, которые должны соответствовать своему высокому процессуальному статусу, быть не только высоко образо-

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 697.

¹¹ См.: Аширова Л.М. Проблема реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006; Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве РФ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 45.

¹² Головинская И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90-96.

¹³ Муравьев К.В. Мера процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 144.

ванными профессионалами, но и безупречными в нравственном отношении. И в XXI в. очень актуальны слова выдающегося юриста А.Ф. Кони о том, что «какими бы высоконравственными по своему содержанию не были бы правовые нормы, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках»¹⁴. Вопросы воспитания высоко профессиональных и нравственных юристов должны быть во всех сферах социальной жизни приоритетными.

Таковы, на мой взгляд, основные правовые и нравственные начала института уголовно-процессуального принуждения в современном российском уголовном судопроизводстве.

Поступила в редакцию 16.04.2021

Зинатуллин Тимур Зинурович, кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

T.Z. Zinatullin

LEGAL AND MORAL FOUNDATIONS OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-3-439-444

The article reveals the essence, content and axiological components of the institution of criminal procedural coercion. The material-legal and procedural grounds for the application of measures of criminal-procedural coercion, as well as their moral content, are thoroughly analyzed. The article reveals the "paradoxes" of the criminal procedure regulation, related, in particular, to the granting of a person who has concluded a pre-trial agreement on cooperation, the procedural status of a witness in the judicial consideration of a criminal case against his accomplices in the crime, as well as the formulation of new criminal procedural preventive measures in the presence of similar procedural coercive measures not abolished by the legislator. Proposals are formulated to improve the institution of measures of criminal procedural coercion.

Keywords: criminal procedural coercion, substantive and procedural grounds for application; improvement of criminal procedural regulation of measures of criminal procedural coercion.

Received 16.04.2021

Zinatullin T.Z., Candidate of Law, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st, 1/4, Izhevsk, Russia, 426034

¹⁴ Кони А.Ф. Закон и справедливость. М., 2013. С. 16.